

Помня о предупреждении Янь Шэня, Лу Силай всем сердцем желал избежать этой встречи, но от императорской милости так просто не отмахнешься. Раз уж его нашли, оставалось лишь смиренно последовать за маленьким евнухом.

О намерениях Императрицы он не имел ни малейшего представления, так что решил действовать по обстоятельствам.

Миновав несколько садов, Лу Силай шагнул в покои Ее Величества. В нос тут же ударил тонкий, освежающий аромат благовоний. Напряжение отпустило, он усмехнулся и зашагал вслед за провожатым. К его удивлению, убранство комнат не отличалось роскошью. Пока он с любопытством озирался, евнух распахнул боковую дверь, и в залу ворвался прохладный ветерок, колыхнувший его челку.

За дверью скрывался крошечный, но изысканный садик. Он больше походил на уютный частный дворик, чем на дворцовый сад: повсюду благоухали цветы, а под густой сенью деревьев царила благодатная прохлада.

В небольшом павильоне посреди сада Императрица Лян неспешно пила чай, любуясь цветением. Услышав доклад слуги, она обернулась и мягко улыбнулась.

— Господин Линь, прошу вас, присаживайтесь.

Предостережение Янь Шэня всё еще звучало в ушах, но перед этим мягким голосом и кроткой улыбкой было трудно устоять. Лу Силай невольно проникся к женщине симпатией. Тряхнув головой, он заставил себя сохранять невозмутимость и прошел к столу.

— Ваше Величество, разве вы не собирались навестить Его Величество?

— Ах... — Императрица покачала головой. — Император не пожелал видеть Инь-эра.

«Инь-эр?» Если бы Лу Силай не был так напряжен, он бы непременно прыснул от смеха, услышав это нежное домашнее имя наследного принца.

— Эти двое... отец и сын... вечно они не могут поладить. Сплошные споры, никакого покоя, — она снова вздохнула и отставила чашку. — Это Лунцзин, свежий дар из Ханчжоу. Линьлан, налей господину Линю.

Раз уж с ним были так любезны, Лу Силаю оставалось только принять подношение. Сделав глоток, он осторожно заметил:

— Ссоры между отцами и детьми — дело обычное. Житейское.

Лу Силай опустил голову, нервно обводя пальцами узоры на синем фарфоре чашки. Прошло несколько минут, но ответа не последовало. Он сделал еще глоток и исподлобья взглянул на хозяйку покоев, обнаружив, что та смотрит на него в упор, не отрываясь.

Их взгляды встретились. Императрица Лян смущенно улыбнулась и отвела глаза.

— Простите... Я проявила бестактность.

Лу Силай нахмурился. Взгляд Императрицы не был злым или коварным, но она смотрела странно, заставляя его чувствовать себя не в своей тарелке.

Заметив его замешательство, Императрица пояснила:

— Я давно слышала имя господина Линя. Но сегодня, увидев вас воочию... признаться, вы совсем не такой, каким я вас себе представляла. Оттого я и засмотрелась.

Лу Силай окончательно перестал что-либо понимать. У него было самое заурядное лицо — из тех, что встречаются у каждого десятого встречного на улице. Что тут можно было вообразить?

— И каким же, по мнению Вашего Величества, должен быть этот смиренный Линь?

Императрица Лян внезапно покраснела и, потупив взор, пролепетала:

— Я редко покидаю дворец, и мне всегда казалось, что... мальчики для утех — они все с девичьими лицами, такие женоподобные...

«Мальчики для... чего?» Лу Силай едва не поперхнулся чаем. Он вовремя успел плотно сжать губы, из-за чего вода брызнула в нос, и он закашлялся.

«Кто... кто сказал, что я мальчик для утех?!» Перед глазами у Лу Силая потемнело. Черт возьми, кроме этого мерзавца-принца, больше некому распускать такие слухи! Или же об этом трубят уже вся столица? Неудивительно, что Янь Шэнь так разъярился и отлупил его палкой после той ночевки во дворце!

Императрица, решив, что ее прямолинейность напугала гостя, поспешила добавить:

— Господин Линь, не тревожьтесь. Я управляю задним двором и не из тех женщин, что изводят себя ревностью и склоками...

— Стоп-стоп-стоп! Погодите!

Лу Силай вскочил, вцепившись в край стола. Он стиснул челюсти так, что зубы едва не раскрошились.

— Ваше Величество, вы глубоко заблуждаетесь... Я вовсе не...

Увидев его резкий порыв, стоящая рядом служанка тут же вытянулась в струнку и грозно прикрикнула:

— Дерзкий! Как ты смеешь прерывать Ее Величество?!

— Линьлан, не груби.

Императрица Лян осадил служанку холодным тоном, но в следующее мгновение снова обернулась к Лу Силаю с мягкой улыбкой.

— Сядьте, господин Линь. Я просто хочу с вами поговорить.

Лицо Лу Силая напоминало маску скорби. Промучившись в нерешительности пару мгновений, он всё же плюхнулся обратно на стул. Ладно, пускай. В конце концов, это всего лишь разговор. Пусть считают его хоть «кроликом», хоть наложником — его честь (и всё прочее) при нем и никуда не денется.

— Господин Линь, пускай внутренний дворец — женская обитель, я никогда не стану притеснять вас, — Императрица была само дружелюбие. Она взяла Лу Силая за руки и принялась доверительно ворковать.

Суть ее речей сводилась к одному: фавор государя мимолетен, и нам, «сестрам», нужно держаться вместе, иначе не выжить.

Лу Силай, подперев лоб рукой, обреченно слушал, а Императрицу между тем заносило всё дальше. Она пустилась в рассуждения о том, что Линь Яньдун не сможет оставить наследников императорскому роду, и когда на трон взойдет новый правитель... Тут она сделала многозначительную паузу и деликатно добавила:

— Ваша внешность, скажем прямо, не самая выдающаяся. Как же вы планируете удерживать положение во дворце, когда времена изменятся? Власть ускользнет, и вы останетесь ни с чем.

Наконец Императрица подошла к главному.

— Поэтому я прошу вас: замолвите перед Императором пару словечек за Инь-эра. Когда мой сын взойдет на престол, я клянусь — вы не будете ни в чем нуждаться.

Лу Силай смотрел на нее с такой тоской, что не знал, плакать ему или смеяться. Взрослый мужчина сидит в окружении дворцовых девок и обсуждает подобные вещи... Единственным его желанием в эту секунду было провалиться сквозь землю и там хорошенько выплакаться.

Императрица, продолжая проявлять трогательную заботу, поинтересовалась:

— И когда же господин Линь переедет в покои внутреннего дворца?

— Боюсь... — лицо Лу Силая на миг стало землистым, — боюсь, этого не случится.

— Но это же так неудобно! Каждый раз, когда Император пожелает вас видеть, вам нужно будет тщательно подготовиться, омыться... Пожалуй, на днях я напомним государю, чтобы он выделил вам отдельный павильон.

Одна ночь во дворце — и Янь Шэнь едва его не убил. Переехать сюда насовсем? С ума сойти можно!

Лу Силай затряс головой так отчаянно, будто его уже вели на плаху:

— Нет-нет-нет! Мне и в поместье Премьер-министра живется превосходно!

Императрица, до того лучившаяся добротой, вдруг нахмурилась.

— Господин Линь живет в доме Премьер-министра?

«Да неужели ваш драгоценный сын-принц вам об этом не сказал?! Он только и сообщил, что я — Кролик, а про остальное промолчал?!»

Лу Силаю хотелось взвыть на луну. «Ну хорошо, Чжао Иинь, раз ты клеветешь на меня, то не пеняй на мой длинный язык!»

Он скорбно опустил глаза, закусил губу и принял вид глубоко удрученного человека. Он несколько раз порывался что-то сказать, но замолкал на полуслове, отворачиваясь в сторону с видом величайшего страдания.

Императрица, которая до этого вещала в одиночку, наконец-то получила от него хоть какую-то реакцию и тут же всполошилась:

— Господин Линь, мы ведь служим одному господину! Если у вас есть тяготы на сердце — не таите их, поделитесь со мной.

«Да кто с тобой служит одному господину?!»

Терпи, Силай. Ты сможешь. Только терпи.

Лу Силай бросил на Императрицу испуганный взгляд. Та, кажется, всё поняла без слов и небрежным взмахом рукава отослала служанок прочь. Когда они удалились на приличное расстояние, он начал, подражая голосу человека, дрожащего от стыда:

— Ваше Величество... Император и сам подумывал забрать меня во дворец, но...

Императрица Лян, чье воображение работало на полных оборотах, тут же перебила:

— Неужели Император беспокоится из-за того, что вы — мужчина? Это легко исправить... Пара часов в Палате шелкопрядов, легкое оскопление — и проблема решена.

«Легкое оскопление?! Что в этом, черт возьми, легкого?!»

Лу Силай почувствовал, что они говорят на разных языках, но это лишь подстегнуло его ярость к принцу.

— Ваше Величество, — он прикрыл лицо ладонью, переходя сразу к делу. — Его Величество беспокоится вовсе не об этом. Его тревожит Наследный принц...

Всё, что касалось мыслей Императора о ее сыне, было для Лян вопросом жизни и смерти. Она мгновенно подобралась:

— Что же беспокоит его в принце?

Лу Силай густо покраснел и замолчал, пряча глаза. Нет ничего убедительнее притворного смущения.

Императрица, сгорая от нетерпения, взмолилась:

— Господин Линь, умоляю, говорите прямо!

— Однажды Император застукал... застукал Его Высочество... — Лу Силай внезапно закрыл лицо руками и выкрикнул, словно через силу преодолевая невыносимый стыд: — Принц в Императорской академии... он раздевался передо мной! Пытался соблазнить меня, своего наставника!

Сказав это, Силай едва сдержал победную ухмылку. Формально он не солгал: принц

действительно стоял перед ним голышом, и старый Император действительно это видел.

Императрица Лян замерла, не в силах переварить услышанное.

Лу Силай, решив закрепить успех, прошептал:

— У принца такое прекрасное тело... А это родимое пятно на животе, похожее на летящую бабочку... Признаться, я и сам едва устоял...

Услышав о столь интимной примете своего сына, о которой Линь Яньдун никак не мог знать, не увидев ее своими глазами, Императрица Лян вмиг побледнела. Она резко вскочила, и ее затрясло так, будто она узнала о конце света. Это известие поразило ее в сто крат сильнее, чем новость о пристрастии мужа к мужскому полу.

В ее голове, словно безумный калейдоскоп, закрутились воспоминания о поведении сына. Его грубость, его вечные колкости в адрес Линя... Она принимала это за высокомерие, но теперь... Неужели это было всего лишь кокетство?

«А? Кокетство?» — сама себе не поверила она.

«Матушка, какой еще чиновник? Он — любимчик отца, не иначе».

— Боже, это же была обычная ревность! — пронеслось в ее мыслях.

«Матушка, он давно уже не наставник, он — личный императорский фаворит-льстец, теперь он у отца в большом почете».

— Господи, да в нем же так и сквозит обида брошенного любовника!

Неудивительно, что принц так обрадовался, когда Линя назначили его наставником! Неудивительно... Неудивительно, что Император внезапно заговорил о низложении наследника!

Когда в разум закрадывается подозрение, любая мелочь становится неопровержимым доказательством. Для Императрицы пазл сложился в идеальную, пугающую картину.

Видя, как она меняется в лице, Лу Силай с готовностью рухнул к ее ногам и запричитал:

— Ваш слуга заслуживает смерти! Я виноват! Я много раз отвергал Его Высочество, но он... он был неумолим и тверд в своем желании заполучить меня... — лживые оправдания лились из него бурным потоком.

— Довольно! Хватит! — Императрица Лян прижала ладонь к груди, прерывисто дыша. Лицо ее искажилось от душевной муки.

Лу Силай просто хотел немного отыгаться на принце, не ожидая, что это так сильно подкосит несчастную женщину. Несмотря на всю ее нелепость, она была с ним добра. Встав, он помог ей сесть в кресло.

— Господин Линь... Я хочу побыть одна.

Лу Силай на мгновение замер, а затем, скрывая неловкость, пожал плечами:

— Тогда я позову Линьлан.

С этими словами он подхватил со стола подаренный Императором веер и, почесывая им спину, поспешил прочь.

Императрица смотрела ему в спину, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

То, что старик на старости лет ударился в блуд с мальчишками — полбеда. В конце концов, попробовав трех тысяч наложниц, захочется и экзотики... Но сын! У него всего две наложницы, ни одного наследника, и он туда же!

Отец и сын влюбились в одного и того же человека и из-за этого враждуют — это еще можно было бы пережить! Но почему... Почему это должен быть именно этот заурядный, грубый книжник с сомнительными манерами?!

В поместье Премьер-министра Лу Силай вернулся к полудню. Он сиял, словно начищенный медный таз, и, напевая под нос веселый мотив, перешагнул через порог. Однако первая же фраза Юфу, подметавшего двор, стерла с его лица всякое подобие радости.

— Управляющий Линь, господин Янь ждет вас в кабинете.

«Что, опять?!»